

Н. В. Савельева

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. n.v.savelieva@inbox.ru

**ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕВНИТЕЛЕЙ БЛАГОЧЕСТИЯ:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД**

(Лавров А. С., Морохин А. В. Ревнители благочестия: очерки церковной и литературной деятельности. СПб.: Наука, 2021. – 336 с.)

Работа представляет собой рецензию на новую книгу о движении ревнителей благочестия. Труд А. С. Лаврова и А. В. Морохина оценивается как значимый вклад в историю изучения этого движения, особенно его раннего периода. Признается важность большого числа документальных и литературных источников, проанализированных в монографии. Высказанные замечания относятся к разделам книги, посвященным связям ревнителей благочестия с московским Печатным двором и полемике по вопросу о единогласном пении.

Ключевые слова: ревнители благочестия, история, документальные источники, памятники литературы, московский Печатный двор, единогласное пение

Выход в свет книги А. С. Лаврова и А. В. Морохина ожидался с нетерпением. Интерес к изданию диктовался циклом работ авторов 1990–2010-х гг., посвященных отдельным вопросам, связанным с деяниями кружка, новым документам и персонажам, неизвестным текстам и их интерпретациям¹. Кроме того, анонсированные разделы издания обещали читателю рассуждения по самым сложным и неразработанным аспектам в изучении этого исторического движения, особенно в его московский период.

Книга охватывает весь путь ревнителей благочестия, от появления сообщества монашествующих и священников-боголюбцев в нижегородских пределах до восшествия Новгородского митрополита Никона на патриарший престол и прекращения московской истории движения. Деяния боголюбцев представлены в общеевропейском контексте: исследование начинается с оценки русской религиозной ситуации Адамом Олеарием и завершается новой попыткой вписать движение русских реформаторов в реформационные процессы Средневековой Европы. Тем не менее книга, как и заявлено в заглавии, представляет собой именно очерки, разные по объему и охвату источников, отчасти вобравшие в себя материалы опубликованных ранее работ, отчасти дополненные новыми данными.

Введение состоит из двух разделов. В первом помещается подробный историографический очерк, не лишенный полемических суждений о работах предшественников и заявок на новые интерпретации тех или иных аспектов деятельности сообщества, которые даны в развернутом виде в главах монографии. Здесь поставлен вопрос, на который пытаются дать ответ авторы: что такое «кружок ревнителей благочестия» – «чисто историографический конструкт» (С. 24) или некое движение, имеющее статус, структуру и формальные признаки организованного сообщества; здесь же сформулирована задача «разобраться, наконец, с ревнителями самими по себе, не привлекая Печатный двор и другие milieux» (С. 25). Второй раздел Введения посвящен обзору источников исследования, которые стали базой как для реконструкции истории формирования сообщества, так и для изучения двух направлений в деяниях боголюбцев, деяниях, нацеленных на исправление церковно-богослужбных практик и искоренение народной обрядности.

¹ Список публикаций авторов помещен в библиографическом разделе книги (С. 300–302, 309–310); здесь и далее ссылки на издание обозначаются указанием страницы в круглых скобках. К сожалению, в оглавлении монографии не отмечено авторство ее разделов, но предшествующие работы А. С. Лаврова и А. В. Морохина позволяют определить круг их интересов, так что высказанные нами далее замечания и соображения могут восприниматься адресатами персонально.

Первая глава книги подробно освещает историю зарождения кружка в стенах Макариева Желтоводского монастыря и нижегородского периода деяний боголюбцев. Рассказ о раннем периоде существования кружка, основанный на работах предшественников, дополнен новыми подробностями, уточнениями и корректировками прежних сведений данными вновь выявленных документов. Огромное число введенных в текст мелких деталей, дат, записей в монастырских синодиках и приходо-расходных книгах, летописных статей, сведений памятников агиографии и других письменных источников свидетельствует о колоссальной архивной работе, проведенной авторами. Хотя почти все сюжеты, посвященные нижегородскому периоду деяний сообщества, обнародованы в более ранних статьях, собранные в книге воедино, они рисуют довольно масштабную картину зарождения в монастырских стенах и сельских приходских церквях движения ревнителей благочестия.

На основании разнообразных сведений пополняется «списочный состав» участников этого движения. Чтобы принять или оспорить новые данные, надо обладать уникальной осведомленностью авторов и их способностью анализировать огромное число источников, так что нижегородская история кружка может только приниматься на веру, хотя некоторые «включения» в ряды боголюбцев все же вызывают вопросы. Так, например, кажется недостаточно убедительным причисление к сообществу постриженника Желтоводского монастыря Симеона, впоследствии архиепископа Сибирского и Тобольского (1651–1664), на том основании, что он покровительствовал в Тобольской ссылке протопопу Аввакуму, а в своей епархии – после царского указа 1648 г., решений собора 1651 г. и изданного в этом году Службника – ратовал за искоренение народных обрядов, вводил единогласие в церквях, велел читать Псалтырь, повернувшись на восток, и «иные новоизданные церковные многие чины и поучения честь» (С. 55).

Тем не менее эти мелкие сомнения не влияют на значимость всех «исторических» разделов книги. Анализ нижегородских связей, дополнение новыми сведениями биографий отдельных лиц (Илларион Рязанский, Иван Неронов), выступления провинциального приходского священства и монашествующих против народных обрядов, миссионерский аспект деяний боголюбцев, впервые исследованный на материале истории Даниила Темниковского, – все это представлено с широким спектром аргументов и подтверждено данными источников. Отметим здесь же и специально рассмотренные в 9-й главе книги вопросы рецепции деятельности ревнителей, в частности того же Даниила Темниковского, в приходской среде. К этим же добротным подготовленным «историческим» очеркам отнесем главы, в которых рассмотрена церковно-политическая ситуация в период московских восстаний 1648 г., Земского и церковного соборов 1649 г., новгородских восстаний 1650 г., сделана попытка установить взаимосвязанность этих событий и оценить роль, сыгранную в этих событиях новгородским митрополитом Никоном и Стефаном Вонифатьевым.

Отдельный очерк (гл. 5) посвящен кампании против народной обрядности, в нем детально рассмотрен вопрос о связях государственных предприятий (указ царя Алексея Михайловича от 5 декабря 1648 г. и более ранние царские и патриаршие указы и памяти) и выступлений челобитчиков, близких по взглядам ревнителям благочестия, из разных городов России. Впечатляет помещенный здесь анализ народных обрядов, в том числе имеющих единичную фиксацию в источниках («ложки плясовые», зооморфное печенье и др.), которые названы как в челобитных, так и в ответных указах «сверху». Представляется обоснованным вывод этого раздела о том, что повсеместная борьба со скоморошеством и прочими народными ритуалами не связана напрямую с деятельностью нижегородского кружка и что указ 1648 г., ставший реакцией на челобитные из разных уголков России, «мобилизовал новых ревнителей» (С. 128). Мысль о том, что государство сыграло в этой кампании роль координатора и организатора

«общерусского» движения ревнителей благочестия, кажется, подводит напрямую к выводу об отсутствии какой-либо структуры и организационных центров внутри этого движения, столь масштабно представленного в первых главах монографии.

В числе рассмотренных в этой главе источников особое внимание уделено опубликованной еще Н. Ф. Каптеревым челобитной иконописца Григория из Вязьмы (С. 132); из текста явствует, что он находится в Москве, а о вязьмских событиях осведомлен во время краткого там пребывания. В книге впервые указывается местонахождение подлинника самой челобитной, а главное, приказного дела по ней, в котором упоминается о связи челобитчика с Бизюковым монастырем на Смоленщине. К сожалению, других сведений об этом корреспонденте авторам не удалось отыскать. Между тем эти новые реалии позволяют без сомнения отождествить его с иконописцем Григорием (Григорьищем), который в 1651 г. «вышел на житье» в Москву, где писал «государево иконное письмо» и имел у себя ученика «вязьмятина Давыдку». Но главное, иконописец Григорий был братом игумена Бизюкова монастыря иеромонаха Гедеона, их семья, очевидно, имела родственные связи со смоленским родом Потемкиных, в частности с той ветвью, к которой принадлежал Юрий Федорович Потемкин – дядя Ф. М. Ртищева [Савельева, 2020, с. 121–123, 138–139]. Имя иеромонаха Гедеона знали в московских придворных кругах и, прежде всего, в кругах, связанных с Печатным двором.

Вопросу о связях ревнителей благочестия с Печатным двором и истории литературно-публицистических выступлений боголюбцев отведены три главы книги (3-я, 4-я и 6-я). Насколько детально и скрупулезно освещена и проанализирована в книге нижегородская предыстория и история московских и провинциальных деяний клириков, разделявших чаяния ревнителей благочестия, настолько неравномерными и непоследовательными оказываются, к сожалению, суждения и выводы о литературно-публицистическом наследии ревнителей благочестия и о возможном их влиянии на московские книгоиздательские процессы. Сомнению подвергается неоднократно высказывавшееся мнение о том, что надзор за деятельностью Печатного двора в последние годы пастырства Иосифа отчасти осуществлял Стефан Вонифатьев, свидетельство чему – особо пристальное внимание издателей к юго-западнорусской книжности. Полемизируя с этим тезисом, авторы книги, опираясь преимущественно на работы Т. А. Опариной и О. С. Сапожниковой (см. библиографический раздел издания), исходят из того факта, что никто из ревнителей благочестия не числился среди справщиков Печатного двора (за исключением позднее примкнувшего к движению Шестака Мартемьянова), никто не обладал навыками профессиональной редакции, как «иосифовские справщики», которые «определяли политику Печатного двора» (С. 114). На этом основании в книге делается заключение, что «ревнители были не творцами, а адресатами изданий Печатного Двора» и что они «не стремились издать свои полемические тексты... оставаясь потребителями печатной продукции» (С. 113, 197).

Единственным «доказанным» случаем участия ревнителей в работе Печатного двора авторы признают издание в 1648 г. «Книги о вере», поскольку, согласно свидетельству старообрядческого публициста дьякона Федора, она написана игуменом Михайловского монастыря Нафанаилом и издана «тщательством» Стефана Вонифатьева. Здесь же предпринимается очередная попытка отыскать этого игумена Нафанаила и на его роль предлагается фигура одноименного игумена Никольской Теребенской пустыни на том лишь основании, что он приобрел это издание (С. 115–116). Следует с сожалением признать, что высказанные суждения о руководстве справщиков процессами и политикой книгоиздательства, а также попытки разобраться с историей издания «Книги о вере» свидетельствуют о недостаточном владении авторами материалами по этой теме и соответствующей библиографией. В частности, они, судя по всему, не знакомы (по крайней мере, не выражают никакого к ней отношения) с новой атрибуцией «Книги о вере» игумену

Бизюкова Крестовоздвиженского монастыря иеромонаху Гедеону, который поднес в дар царю Алексею Михайловичу две свои книги; обе они были одобрены к печати. Первая из них, «Книга о вере», издана в 1648 г., над второй, известной по старообрядческим изданиям XVIII в. как «Альфа и Омега», была начата на Печатном дворе работа, но она осталась незавершенной [Савельева, 2011]. Учитывая упомянутые ранее родственные связи иеромонаха Гедеона, следует внимательнее отнестись к словам Б. Н. Флори о том, что инициатива издания в Москве «Книги о вере» могла исходить от лиц из придворного клана, возглавляемого дядькой царя Алексея Михайловича Б. И. Морозовым. К этому кругу, которому не чужда была «киевская ученость», принадлежали и М. А. Ртищев, и его преемник Ф. М. Ртищев [Флоря, с. 323–324].

Кроме того, для подтверждения суждений об участии ревнителев благочестия в делах Печатного двора следует добавить еще более весомый аргумент: два сочинения («О цѣловании святых икон...» и «О церковном благочинном пѣнии и о единогласии...»), напрямую отражающих их позицию и имеющих текстовую зависимость от известных памятников публицистического наследия боголюбцев, помещены в качестве предисловий к московскому изданию Октоиха 1649 г. [Савельева, 2021]². Так что лица, разделявшие чаяния боголюбцев, не только ратовали за появление в московских изданиях памятников юго-западнорусской книжности, но и в какой-то мере «завладели» государевым печатным станком. Представляется, что вопрос об отношении ревнителев благочестия к делам Печатного двора следует рассматривать не с точки зрения участия «членов» кружка в книгопроизводстве в качестве справщиков, а именно через призму влияния на книгоиздательство лиц из царского окружения, как это предлагал делать П. Паскаль, который, и это отмечено в монографии (С. 14), различал справщиков («кружок с Никольской улицы») и сторонников идей ревнителев благочестия, приближенных к царю («кремлевский кружок»). В последнем наиболее значимой фигурой выступает, конечно, царский духовник Стефан Вонифатьев, который обладал достаточной властью, чтобы повлиять на выбор текстов для издания.

Как известно, существует гипотеза о принадлежности Стефану Вонифатьеву псевдонима Агафоник, которым подписаны три послания – некоему кир Иакову по грамматическим вопросам, а также суздальскому архиепископу Серапиону о единогласии и Никону в бытность его новгородским митрополитом о поклонении на восток. Эта гипотеза оспаривается в монографии (гл. 3), а фигурой, более всего подходящей для роли Агафоника, признается другой претендент, также неоднократно называвшийся предшественниками, – подьячий Агафон Тимофеев. Впрочем, никаких новых сведений и аргументов в пользу этого отождествления в тексте не приведено. На отрицательное отношение к отождествлению Агафоника со Стефаном Вонифатьевым, по словам авторов, в значительной мере повлияло «внимательное чтение» (С. 106) важнейшего литературного источника – так называемого «сборника Агафоника» (рукопись ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание Отдела рукописей). № 180). Изучение рукописи напрямую связано с литературным наследием ревнителев, прежде всего со статьями о единогласии. Вопросу о единогласном пении достаточно много места уделяется во Введении, кроме того, ему посвящена отдельная глава книги (гл. 6). Однако, вопреки ожиданиям, освещение этой темы в монографии не только не проясняет позицию авторов о литературной истории комплекса текстов о церковном пении, но окончательно запутывает читателей, надеющихся разобраться в этом вопросе.

Презентация писаний боголюбцев строится преимущественно на анализе «сборника Агафоника»; его полистное описание приводится во Введении, на основании текстов этого сборника построены важнейшие заключения о соотношении известных памятников. При этом

² Сведения, изложенные в этой статье, впервые были озвучены в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в сентябре 2020 г. на форуме, посвященном 400-летию протопопа Аввакума; с докладом на этом форуме выступал и А. С. Лавров.

характеристика сборника содержит досадные ошибки и неточности. Так, например, уже в историографическом обзоре честь открытия рукописи для исследователей, сделанного Е. К. Ромодановской, по невниманию приписана В. С. Румянцевой (С. 31) – на указанных в ссылке (С. 235. Примеч. 71) листах работы исследовательницы [Румянцева, с. 37, 60] речь идет совсем об ином сборнике – ОР РГБ. Ф. 173/III (Собрание по временному каталогу библиотеки Московской духовной академии). № 100. Ссылка на эту рукопись в новой книге (С. 235–236. Примеч. 80), в свою очередь, изобилует ошибками: неверно назван шифр (№ 80, № 8 вместо № 100), неверно указаны листы, на которых находится послание Агафоника архиепископу Серапиону (л. 333 об.–336 об. вместо л. 321–341 об.).

Авторы совершенно обоснованно опровергают предположение Е. К. Ромодановской о том, что основная часть рукописи – автограф Агафоника, но при этом продолжают именовать ее «сборником Агафоника», объявив без каких-либо объяснений, что Агафоник был его обладателем (С. 105). Досадные ошибки и неточности имеются и в описании рукописи: при указании листов путается архивная нумерация карандашом и кириллическая нумерация листов чернилами, проставленная в XVIII–XIX вв.; не отмечены лакуны и перепутанные листы; не упомянута очень важная особенность – по всему сборнику чернилами и киноварью проставлены глоссы с отсылками к источникам и внесена редакторская правка, которая свидетельствует не только о сверке рукописи с исходными списками вошедших в нее текстов, но и о том, что некоторые тексты готовились, очевидно, для создания белой копии (например: «Пиши до “покая” красное прописью» (Л. 91)). Особо следует отметить, что «черная дата» 7159 (1650–1651 г.), приведенная в описании как определяющий признак создания сборника (С. 32, 36, 235; дата находится не на л. 243, а на л. 246 об. арх. нум.), относится отнюдь не к приписке о помещении в него выписок из Устава, а входит в состав авторского предисловия к «Сказанию о различных ересех и хулениях... в знаменных певчих книгах» инока Евфросина. Этот текст вообще не обозначен в описании, между тем сочинение в защиту наречного пения непосредственно связано с вопросом о единогласии. Именно единогласие и истинноречное пение способствовали доступному пониманию текстов в литургической практике, за которое так ратовали боголюбцы: именно в этом перенаправлении литургии на восприятие человеком, в этом новом понимании благочестия, противоречащем традиционной сотериологии, заключалась реформаторская составляющая движения ревнителей благочестия [Живов, с. 349–354]. Так что текст оказался в сборнике не случайно, список переписан той же рукой, что и основной блок статей рукописи, и также имеет редакторскую правку.

Во Введении впервые приводятся сведения о нахождении в сборнике списка так называемого «Слова» о единогласии Шестака Мартемьянова (С. 35, уточним, что текст переписан на л. 198–241 арх. нум.). До сих пор сочинение было известно только по рукописи ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 1407, которая со времен С. А. Белокурова считается автографом Шестака Мартемьянова, ему же атрибутируется и создание текста. Основанием для атрибуции служит запись на первом листе: «Писано в лѣто 7160-го году, писал справщик Печатнаго двора Шестак Мартемьянов». В новой монографии ставится под сомнение написание Шестаком Мартемьяновым рукописи, но уверенно атрибутируется ему создание текста. Весомых аргументов такой интерпретации записи исследователи не приводят.

Вообще, при взгляде на разделы монографии, посвященные анализу литературных памятников, создается впечатление, что 6-я глава содержит материалы, вошедшие в статью А. С. Лаврова 2008 г. (см. библиографию), а новые суждения, возникшие при подготовке Введения к монографии, никак не соотношены с более ранним исследованием. Иначе трудно объяснить противоречивые выводы, присутствующие в разных частях книги: во Введении предлагается, например, вопреки сложившейся традиции, считать послание Агафоника

зависящим от «Слова» Шестака Мартемьянова (С. 45), а в 6-й главе допускается, что самым ранним памятником в этой цепочке был текст послания Агафоника, а последним – «Слово» Шестака Мартемьянова; во Введении утверждается, что Шестак Мартемьянов «использует только те фрагменты “речей прекословцев”, которые уже были процитированы в “Спорных речах”» (С. 41), а в 6-й главе констатируется, что он использовал доводы оппонентов «не только через посредничество “Спорных речей”, но и независимо от них» (С. 144). Попытка решить «беглым взглядом» текстологическую проблему кажется в результате неудавшейся, вопрос о соотношении писаний в защиту единогласия требует дальнейших исследований и более весомой аргументации.

В Приложении впервые публикуется новый источник – «Спорные речи о единогласии», и ценность этой публикации несомненна. Но и здесь, к сожалению, не обошлось без ошибок в его прочтении или передаче этого сочинения: например, неверно разграничен текст цитаты из вопроса-ответов Варсонофия Великого и собственно текст писания оппонентов боголюбцев (С. 220–221); сомнительна пунктуация в следующем фрагменте: «...благочестиваго царя сердце по воли хотѣния своего направляет. Аминь. Бо рече Господь: не оскудѣет род сей...» (С. 210, ср.: Мф 24: 34); можно было бы привести еще ряд ошибок. Текст по непонятной причине издан не до конца, не напечатаны завершающие сочинение семь строк на л. 55. Но главное: при описании рукописи во Введении начало «Спорных речей» отнесено к л. 21, а публикация в Приложении начинается текстом с л. 22 об. Между тем на этих оставшихся незамеченными полутора страницах сохранился фрагмент текста о единстве церкви и о том, что для иноков и мирян не могут быть допустимы разные варианты в исполнении церковных правил.

Таким образом, несмотря на множество новых материалов и идей, разделы, посвященные литературно-публицистическому наследию боголюбцев, выглядят, к сожалению, менее проработанными и аргументированными, чем основной материал об истории движения.

Конечно, в кратком обзоре невозможно учесть множество вновь введенных сведений, подтвержденных документально, невозможно оценить множество высказанных, зачастую в полемическом ключе, интересных и требующих размышления мыслей. Удалось ли авторам ответить на свой вопрос о сути течения – было ли это религиозное движение спонтанным «сообществом церковнослужителей, ратовавших за изменение духовной жизни» или организованной структурой? Есть ли смысл продолжать поиски параллелей движению боголюбцев в структурах и реалиях Реформации? Но нельзя объять необъятного. Книга состоялась, и ожидания ее выхода в свет оказались не напрасными. Несмотря на высказанные замечания и сомнения, книга будет весьма полезной, побуждающей к новым поискам и, несомненно, займет свое место в истории изучения движения ревнителей благочестия.

Литература

- Живов В. М. Два этапа дисциплинарной революции в России XVII и XVIII столетия // *Cahiers du monde russe*. 2012. № 2–3 (Vol. 53). P. 349–374. DOI: 10.4000/monderusse.9386
- Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. 364 с.
- Савельева Н. В. Неизвестный западнорусский автор иеромонах Гедеон, игумен Бизюкова монастыря, и московское книгопечатание середины XVII века // *Книжная старина*. СПб., 2011. Вып. 2. С. 82–131.
- Савельева Н. В. Крестовоздвиженский Бизюков монастырь в русской истории и литературной культуре: первый игумен монастыря иеромонах Гедеон и его книги // *Авраамиевская седмица: Материалы международной конференции «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске»* (Смоленск, 11–13 сентября 2019 г.). Смоленск, 2020. С. 119–141.
- Савельева Н. В. Споры о единогласном пении и московское издание Октоиха 1649 года // *Русская литература*. 2021. № 4 (в печати).
- Флоря Б. Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI – первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. 480 с.

References

- Florya, B. N. Rossiya i vostochnoslavjanskije zemli Pol'sko-Litovskogo gosudarstva v kontse XVI – pervoi polovine XVII v. Politicheskie i kul'turnye svyazi [Russia and the East Slavic Lands of the Polish-Lithuanian State at the End of the 16th – the First Half of the 17th Century. Political and Cultural Ties]. Moscow, 2019. 480 p.
- Rumyantseva, V. S. Narodnoe antitserkovnoe dvizhenie v Rossii v XVII veke [The Popular Anti-Church Movement in Russia in the 17th Century]. Moscow, 1986. 364 p.
- Savel'eva, N. V. Neizvestnyi zapadnorusskii avtor ieromonakh Gedeon, igumen Bizyukova monastyrya, i moskovskoe knigopechatanie serediny XVII veka [An Unknown Western Russian Author, Hieromonk Gedeon, Abbot of the Bizyukov Monastery, and Moscow Printing in the Middle of the 17th Century]. In *Knizhnaya starina*. Saint Petersburg, 2011. Issue 2. Pp. 82–131.
- Savel'eva, N. V. Krestovozdvizhenskii Bizyukov monastyr' v russkoi istorii i literaturnoi kul'ture: pervyi igumen monastyrya ieromonakh Gedeon i ego knigi [The Krestovozdvizhensky Bizyukov Monastery in Russian History and Literary Culture: The First Abbot of the Monastery, Hieromonk Gedeon and His Books]. In *Avraamievskaya sed'mitsa: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Chteniya po istorii i kul'ture Drevnei Rusi v Smolenske"* (Smolensk, 11–13 sentyabrya 2019 g.). Smolensk, 2020. Pp. 119–141.
- Savel'eva, N. V. Spory o edinoglasnom penii i moskovskoe izdanie Oktoikha 1649 goda [Disputes about the Unanimous Singing and the Moscow Edition of the 1649 Octoechos]. In *Russkaya literatura*. 2021. No. 4 (in print).
- Zhivov, V. M. Dva etapa distsiplinarnoi revolyutsii v Rossii XVII i XVIII stoletiya [The Two stages of disciplinary revolution in Russia: the seventeenth and eighteenth centuries]. In *Cahiers du monde russe*. 2012. No. 2–3 (Vol. 53). Pp. 349–374. DOI: 10.4000/monderusse.9386

Natalya V. Savel'yeva
Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

HISTORY AND LITERARY LEGACY OF ZEALOTS OF PIETY: A NEW PERSPECTIVE

This is a review of a new book on the movement of zealots of piety. The work by A. S. Lavrov and A. V. Morokhin is assessed as a significant contribution to the history of the study of this movement, especially its early period. The importance of a large number of documentary and literary sources analyzed in the monograph is acknowledged. The notes expressed in the review are related to the book chapters devoted to the connections of zealots of piety with the Moscow Printing House and the polemic on the question of unanimous singing.

Keywords: zealots of piety, history, documentary sources, monuments of literature, Moscow Printing House, unanimous singing